

В. В. Напольских, Удмуртские материалы Д. Г. Мессершмидта, Ижевск, «Удмуртия», 2001.

Передо мной книга известного исследователя этнической истории, культуры и языков уральской языковой семьи В. В. Напольских «Удмуртские материалы Д. Г. Мессершмидта». В верхней части ее обложки — уголок последнего листа дневника Д. Г. Мессершмидта, в нижней части — на фоне заснеженного леса панорама зимней деревни. Глядя на книгу, мысленно возвращаюсь в Вятскую губернию в бассейн Чепцы, в районы проживания северных удмуртов, где пролегал конечный этап экспедиции в Сибирь ученого (1719—1726 гг.). Мне часто приходится бывать в экспедициях, в том числе и в бассейне Чепцы, поэтому невольно приходится сравнивать условия, в которых работали ученые 200—300 лет назад, с современными, когда вместо лошадиной упряжки нас развозят автобусы и автомобили по широким, зачастую асфальтированным дорогам. Вместо курных изб, в которых не спится зимней ночью из-за холода, ночуешь в теплых уютных домах, а иногда в благоустроенной квартире, и не выходя из подъезда многоквартирного дома, встречаешься и беседуешь с информантами. На фоне такого сравнения ярче высветливается научный подвиг, который совершил первый исследователь Сибири Д. Г. Мессершмидт.

Рецензируемая книга в структурном плане состоит из введения, краткой биографической справки о Д. Г. Мессершмидте, его дневника за 21—31 декабря 1726 г., перевода последнего на русский язык, примечаний к переводу, сводного списка удмуртских слов (из дневника), к которому прилагаются два алфавитных указателя — русских и немецких значений удмуртских слов.

Значение материалов Д. Г. Мессершмидта для удмуртоведения трудно переоценить. Их роли и месту в истории изучения удмуртов и удмуртского языка посвящено введение книги. До сих пор считалось, что первый свод удмуртских слов в 29 лексем был составлен Ф. И. фон Штраленбергом (опубликован в 1730 г.). Его же, а также Г. Ф. Миллера и других участников 2-й Камчатской экспедиции (1733—1734 годы) принято называть первыми учеными, положившими начало этнографическому изучению удмуртов. Но при знакомстве с материалами Д. Г. Мессершмидта выясняется, что именно им, как пишет автор книги, «составлен первый известный на сегодня относительно пространственный и качественный словарь удмуртского языка, им впервые зафиксировано самоназвание *удмурт* и важнейшие удмуртские этнонимы, дано первое научное описание удмуртского жилища, костюма и элементов народной религии, первый рисунок, изображающий удмурта (удмуртку)». Резюмируя, автор подчеркивает, что «с Мессершмидта началось научное изучение удмуртов как таковое».

В биографической справке изложено немало интересных сведений из жизни и научного творчества Д. Г. Мессершмидта. Краткое описание его путешествия позволяет понять, в каких нелегких условиях ученый проводил свои исследования и какой ценой им добыты материалы, в том числе и сведения об удмуртах и удмуртском языке. Здесь же мы узнаем о судьбе ученого после возвращения из экспедиции, а также об участии собранных им материалов.

Дневник Д. Г. Мессершмидта (на немецком языке) дан с сохранением орфографии и разбит в соответствии с листами оригинала. Аналогичным образом поделен и текст перевода, что позволяет читателю легко находить соответствующие места в тексте оригинала и переводе. В дневнике ученого дано подробное описание его пути от д. Зюкай (ныне расположенной в Пермской области недалеко от границы Удмуртии) до Хлынова (Вятки) через земли северных удмуртов, представлены сведения об удмуртах и удмуртском языке, высказано предположение о родстве языка удмуртов с другими финно-угорскими и самодийскими языками. Представляет интерес сообщение удмуртов о том, что чуваша (под данным этнонимом, по мнению В. В. Напольских, подразумеваются бесермяне) не относятся к их роду.

Особую ценность рецензируемой книге придают примечания к переводу, помещенные сразу после текста. Они представляют собой интерпретацию географических названий, записанных Д. Г. Мессершмидтом, как правило, с искажением; замечания этнографического, исторического и лингвистического характера; отношение автора к некоторым описываемым фактам и др. Примечания облегчают адекватное понимание материалов. Особенно они полезны для тех, кому мало известны местные географические и этнографические условия, а также язык местного населения. Маршрут исследователя можно проследить по карте, составленной В. В. Напольских по записям в дневнике.

Единственной неточностью в комментариях, на которую хотелось бы обратить внимание, является утверждение, что д. Болезина, описываемая в дневнике, — это поселок Болезино, районный центр Удмуртской Республики. На самом деле речь идет об одноименном населенном пункте — с. Болезино (удм. Узьякар), расположенном на противоположном берегу р. Чепцы.

Наиболее ценным разделом книги (возможно, с точки зрения именно лингвиста) является удмуртский словарь Д. Г. Мессершмидта, который содержит

около 350 лексем. Его ценность состоит не только в том, что это первый и к тому же достаточно обширный свод удмуртских слов, но и в том, что он отличается тщательностью записей и имеет строгую территориальную и временную привязку. Кроме того, в нем зафиксированы лексемы, которые ныне сохранились лишь в отдельных диалектах, а такие слова, как NING-GORON 'женщина', PUUDT 'кипящий, жаркий', в современном удмуртском языке не употребляются и нигде не отмечены в других письменных источниках.

Словарные статьи организованы следующим образом: слово в записи Д. Г. Мессершмидта, номер листа дневника, перевод Д. Г. Мессершмидта, далее (после вертикальной черты) — реконструкция слова в современной финно-угорской транскрипции, реконструкция значения, соответствия в современном удмуртском литературном языке и/или в диалектах. Большинство словарных статей снабжены комментариями, представляющими собой толкования происхождения слов, объяснения мотивации выбора букв или их сочетаний для обозначения тех или иных звуков удмуртского языка в конкретном слове, пояснения к значениям слов и прочие замечания. Эти комментарии, иногда достаточно развернутые, можно рассматривать как отдельное научное исследование.

Словарю предшествуют предварительные замечания автора-издателя, которые начинаются таблицей соответствий удмуртских звуков обозначениям в записях Д. Г. Мессершмидта. Для каждой удмуртской фонемы, размещенной в первой колонке, во второй колонке приводятся графемы или их сочетания, обозначающие эту фонему в записях Д. Г. Мессершмидта. К каждой паре таких соответствий в третьей колонке показано число соответствий, в четвертой — примечания. В целом таблица составлена весьма удачно и таким образом достаточно беглого ее изучения, чтобы уловить систему обозначений в записях исследователя. Кроме того, ниже таблицы даются пояснения к особенностям фиксации удмуртских слов. Нахождение сло-

ва по значению (русскому или немецкому) облегчают указатели значений, размещенных после словаря.

Далее предлагаются некоторые уточнения или дополнения к комментариям этого раздела.

1) Наибольший разнобой в системе обозначений Д. Г. Мессершмидта наблюдается в передаче специфического для его слуха, но, пожалуй, самого употребительного звука в удмуртском языке — *j* (*ы*). Анализируя систему обозначения и учитывая факт употребления в некоторых говорах среднечепецкого диалекта трех разных вариантов этого звука (*j* ~ *ǰ* ~ *ʔ*), В. В. Напольских предпочитает реконструировать заднерядный вариант *ǰ* (с определенными оговорками) (с. 161—162). Все же мне хотелось бы обратить внимание на некоторые моменты, которые не совсем согласуются с данным выбором.

Д. Г. Мессершмидт останавливался в удмуртских населенных пунктах Юска (ныне — с. Юски), Дырпа, Болезина (с. Балезино), Глазовка (г. Глазов), Дизьминской (п. Дизьмино) и *Кырингкёй. Из них только д. Глазовка располагалась внутри ареала современного распространения заднерядных (и открытых) вариантов *j*. Правда, можно предположить употребление в прошлом вариантов *ǰ* (и *ʔ*) в д. Болезина, где помимо удмуртов могли проживать бесермяне, для речи которых характерен звук средне-заднего ряда средне-нижнего подъема *ǰ*. Исходя же из описания маршрута Д. Г. Мессершмидтом, больше всего языкового материала было собрано в зоне распространения звука среднего ряда верхнего подъема — *j*. На это указывает и система обозначений ученого: звук, соответствующий удм. *j*, чаще всего он обозначал через *ʏ* (*ʏ*, *ʏ*, *ʏ*, *ʏ*), который наряду с графемой *l* применял для передачи *i* (см. с. 148—149). Иначе говоря, буквой *ʏ* и ее сочетаниями с другими буквами он передавал узкие гласные, соответствующие по современной классификации гласным верхнего подъема. Аналогичное обозначение он использовал для *j* закрытых слогов, в том числе в односложных словах, например: *KʏL* 'язык', *KʏR* 'большой черный дятел', *NʏR* 'нос',

— в которых в говорах с заднерядными *j* употребляются наиболее отодвинутые назад и открытые варианты гласного, близкие к *a* и *o*.

На втором месте по частотности передачи описываемого звука стоит буква *l*, при этом зачастую даже в позиции между велярными согласными, что указывает также на гласный верхнего подъема. Обозначение открытых вариантов *j* (*ǰ*, *ʔ*, *ʔ*) можно видеть в графеме *E*, а буквами *Æ*, *Ä*, *A*, *O*, по всей видимости, передан наиболее открытый (и заднерядный) вариант *ǰ*.

Буква *u* и ее сочетания с другими буквами, скорее всего, использованы также для звука верхнего, иногда верхне-среднего подъема, поскольку в велярном окружении, особенно в соседстве с *l*, *k*, гласный *j* позиционно приближается к *u*, подтверждением чего является фиксация выражения *INGMÁR-LU WYSHÁISCHINU KÚLA (inmarlj vǰšáškijnj kule — в моем чтении) '(нам) надлежит молиться богу'* в д. Юска (см. с. 29, 118). В соседстве с губными согласными или при наличии огубленного *u* (иногда *o*) в предшествующем слоге обозначение *j* через *u* (или *ü*) выглядит естественным, хотя в указанном окружении признак огубленности могут иметь также варианты *ǰ* и *ʔ*: ср. *BUNSH | bjž ~ ?bǰž* 'хвост', *GUDÚRIAN | gudǰrja ~ ?gudǰrja* 'гремит (о громе)' и др.

Таким образом, в речи информаторов Д. Г. Мессершмидта можно усмотреть разные произносительные нормы гласного *ы*, при этом наиболее частым вариантом был звук среднего ряда верхнего подъема *j*, совпадающий с соответствующим гласным современного удмуртского литературного языка.

2) В слове *ADSHÉSSI-DA?* 'видишь ли?' | *adǰiškíd-a?* '(ты) увиделся ли?' | *adǰiškíd-a?* '(ты) видишь ли?' (с. 165) буквой *é* может быть обозначен звук *j/ǰ*, ср. сч. *aǰǰiškíd-a ~ aǰǰiškíd-a?*

3) В слове *EMESÉE* 'малина' | *emezej ~ удм. эмезь* то же (с. 171) возможна реконструкция в ауслaute гласного *ǰ*. Форма *emežǰ* бытует в бесермянском наречии.

4) Возникновению формы *IÉN-MAR (jen-mar)* 'бог', наличной в записях Д. Г. Мес-

сершмида наряду с (*j*)*inmar* (с. 177—178), в книге дается два возможных толкования: 1) сохранение в каком-то локальном говоре архаичной формы **jenmar*; 2) первый компонент *jen* появился в результате отождествления Д. Г. Мессершмидтом удмуртского *in-* в слове *inmar* с коми *jen* 'бог, небо', по-видимому, ему знакомым. В качестве одной из версий возникновения формы *IÉN-MAR* можно также рассматривать проникновение ее в среднечепецкие или/и нижнечепецкие говоры из коми языка.

5) Появление начального *j* в *Jyxè* | (?) *eksâ/eksej* ~ удм. *эксэй* 'царь, князь' (с. 179—180), возможно, является не ошибкой, а реальным произношением информаторов. На момент публикации рецензируемой книги о преютации в удмуртских диалектах, кажется, ни в каких работах не упоминалось, но в действительности она характерна для говоров Закамья, в частности, для татышлинского и шагиртско-гондырского, и, что существенно в данном случае, sporadически встречается в среднечепецком диалекте в речи старшего поколения, например: *ebek* ~ *jebek* 'лягушка', *em-skîñî* ~ *jemskîñî* 'опухнуть (о вымени коровы)', *e-e* ~ *je-e* — междометие, выражающее удивление; слово *jegâr* 'уголь' (удм. *эгыр*) является единственной формой для всех возрастных групп.

6) Слово *NUMÏR* 'червь' | *numâr* ~ удм. *нумыр* (с. 189), опираясь на современные данные верхнечепецкого диалекта, в том числе говор д. Юски, можно бы было реконструировать в виде *nîmjîr*, ср. вч. *nîmjîr* (сч. *потâr*).

7) В качестве дополнения к статье PÛOSS 'муж, супруг' | *pîos* ~ удм. *пиосмурт* 'мужчина' (с. 193) можно добавить, что *пийос* является основным средством для обозначения понятия 'муж' в слободском говоре (нижнечепецкий диалект) наряду с тремя другими наимено-

ваниями: *kart* (< тат.), *mužik*, *starik*. Данное слово, по-видимому, было общеудмуртским наименованием мужа, которое Д. Г. Мессершмидт зафиксировал на средней или верхней Чепце.

8) В словарной статье *SSÛYTSCH-MURT/SSUYTSCH-MURDT* 'русский' | *žuc* (*murt*) ~ удм. *žuč* (*мурт*) (с. 199) в первом варианте слова сочетанием *ÛY* может быть обозначен звук *û*, который в конце XIX в. в глазовском диалекте был зафиксирован Ю. Вихманном (*d'žut's; Y. W i c h m a n n, Wotjakischer Wortschatz, Helsinki 1987 (LSFU 21) с. 49—50*) и который до сих пор можно услышать от некоторых представителей старшего поколения, говорящих на среднечепецком диалекте.

9) В отношении самоназвания удмуртов — *UHD-MURT, UHD-MURD, UHD-MURDT* 'удмурт' | *udmurt* ~ удм. *удмурт* — следует сказать, что гласный *U* второго компонента, скорее всего, не отражает реального произношения, поскольку в настоящее время северные удмурты в качестве самоназвания повсеместно используют вариант с *o* — *udmort*. Второй компонент, возможно, был подкорректирован Д. Г. Мессершмидтом в соответствии со словом *MURD(T)* | *murt* 'человек', которое при самостоятельном употреблении произносится с гласным *u*. Вариант **ud(-)murt* можно предположить для северного наречия удмуртского языка начала XVIII в. в том случае, если первый компонент этого композита самими удмуртами воспринимался как отдельное слово.

Приведенные замечания, на мой взгляд, несколько не умаляют заслуги автора, который, опубликовав данную книгу, сделал доступным для удмуртской науки ценнейшие материалы Д. Г. Мессершмидта, за что мне хочется выразить искреннюю благодарность и пожелать скорейшего завершения издания новой версии материалов с пространными комментариями.

Сокращения

вч. — верхнечепецкий диалект (северное наречие); **сч.** — среднечепецкий

диалект (северное наречие).

СЕРГЕЙ МАКСИМОВ (Ижевск)